

УДК 94(470.62+477.75)|1944/1953|

Переселенцы на постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1940-е гг.: этнический облик и социальный портрет

В. А. Конониренко

Конониренко Виктория Анатольевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Саратов, vspwshka_89@mail.ru

В статье анализируется этнический облик и социальный портрет переселенцев на постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1940-е гг. Констатируется, что в основном в опустевшие после депортации населенные пункты переселялись русские и украинцы. Делается вывод об успешной адаптации большинства переселенцев к новым условиям жизни.

Ключевые слова: депортация, переселенцы, этнический облик, социальный портрет, национальный состав, колхозник.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Migrants to the Post-Deportation Territories of the Volga Region, North Caucasus and Crimea in the 1940s: Ethnic Appearance and Social Portrait

V. A. Kononirenko

Viktoriya A. Kononirenko, <https://orcid.org/0000-0003-0830-7683>, 7 Forest Republic St., flat 5, Saratov, 410065, Russia, vspwshka_89@mail.ru

The article analyzes the ethnic appearance and social portrait of immigrants to the post-deportation territories of the Volga region, the North Caucasus and the Crimea in the 1940s. It is proved that mostly Russians and Ukrainians moved to the settlements that were deserted after deportation. The conclusion is made about the successful adaptation of the majority of immigrants to new living conditions.

Keywords: deportation, immigrants, ethnic appearance, social portrait, national composition, collective farmer.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-326-331>

Научный интерес к проблеме планового переселения на освободившиеся после депортации ряда народов постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма возник после того, как во второй половине 1980–1990-е годы всестороннему исследованию была подвергнута сама история насильственных перемещений населения. К настоящему времени можно говорить о появлении целого научного направления в рамках изучения истории миграционных про-

цессов в СССР. В опубликованных материалах Н. А. Маловой¹ о заселении постдепортационных территорий бывшей АССР Немцев Поволжья, работах Э. И. Сеитовой² о переселении в Крым, монографии В. Г. Шнайдера³ о миграции на земли, которые в Дагестане занимали ранее чеченцы, обобщающей статье С. А. Пискунова⁴ содержатся интересные данные и количественные параметры по миграционным потокам в этих регионах в военные и первые послевоенные годы, позволяющие определить основные направления заселения и хозяйственного освоения территорий Крыма, Дагестанской АССР, Грозненской и Саратовской областей, опустевших после выселения с них ряда народов. Малоисследованными продолжают оставаться такие аспекты, как общие закономерности и региональная специфика в миграционных процессах на этих территориях после выселения с них проживавшего там населения, условия и особенности адаптации переселенцев к новым условиям жизни, причины и масштабы массового обратного выезда переселенцев из районов Поволжья, Северного Кавказа, Крыма в 1942–1953 гг. На наш взгляд, требует детального анализа социальный портрет и этнический облик переселенца военных и послевоенных лет.

На опустевшие после депортации ряда народов земли Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в основном были переселены русские и украинцы. Так, вслед выселенным поволжским немцам бывшие кантоны АССР НП стали заселять русские и украинские колхозники. По данным уполномоченного Саратовского обкома ВКП (б) и облисполкома по вселению колхозников Г. Р. Бранта, на 2 октября 1941 г. большинство из прибывших в Саратовскую область 3219 хозяйств ранее размещались в украинских областях (преимущественно – в Ворошиловградской – 3023, остальные в Харьковской, Полтавской, Запорожской), 196 хозяйств – в российских Курской и Воронежской областях⁵. К 6 октября, по данным Переселенческого отдела облисполкома, из Украины, Курской, Орловской областей прибыло уже 5764 хозяйств колхозников, причем хозяйств из Ворошиловоградской области насчитывалось уже 4772⁶. А вот во вторую волну планового переселения (постановление СНК РСФСР от 3 марта 1942 г.⁷), из соседних Тамбовской, Пензенской и Воронежской областей удалось переселить около 6 тыс. колхозных хозяйств⁸. Летом 1942 г. в бывшие немецкие районы прибыли 5 тыс. эваку-

ированных из Смоленской области⁹. После войны постдепортационную территорию в Саратовской области заселяли переселенцы из Мордовской, Татарской, Чувашской автономных республик РСФСР, а также колхозники из Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской областей.

На Северном Кавказе территорию, где до депортации проживали балкарцы, предполагалось «заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР»¹⁰, однако, как свидетельствуют многочисленные письма в высшие органы власти спецпоселенцев-балкарцев, их «прежние села и районы ... почти свободны», «пастищные, посевные и другие земли на бывшей территории Балкарии никем почти не используются»¹¹. Не было масштабных переселений и на земли карачаевцев. В 1956 г. в этих районах побывали инспекторы из центра, которые установили, что «многие населенные пункты бывшей Карачаевской области полностью разрушены (Хасаут, Даут, Джазлык и др.) или находятся в крайне запущенном состоянии и мало заселены»¹².

«Планомерное заселение» Ингушетии осуществлялось преимущественно в 1944–1945 гг. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северной Осетии, переселялись жители как из самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии. 27 июля 1944 г. руководство Северной Осетии доложило В. М. Молотову о том, что «на 1 июля 1944 г. из старых районов и прилегающих областей переселена 7331 семья»¹³.

В документах центральных переселенческих органов отсутствуют точные данные об областях-донорах, направлявших переселенцев в Грозненскую область. Однако, по имеющимся сведениям, можно сделать вывод о том, что на «земли чеченцев» в 1944–1945 гг. преимущественно отправляли из центральных областей России. Если переселенцы 1944 г. в основном прибывали из Ставропольского края, то в 1945 г. в Грозненскую область из Брянской области прибыло 754 семьи, из Вологодской – 206, из Воронежской – 423 семьи¹⁴. В Государственном архиве РФ удалось обнаружить документы, в которых дана характеристика переселенцам, прибывшим в 1945 г. из Брянской области. 27 февраля в Новосельский район Грозненской области был отправлен эшелон со 173 семьями (793 чел.), а 10 марта – еще 187 семей (904 чел.) из Брянской области. Все переселенцы были русскими. Преобладали женщины – 1128, мужчин (от 16 лет) было вдвое меньше – 569. Трудоспособных из 1697 чел. было 811. В двух эшелонах прибыли 4 председателя колхоза и 8 бригадиров, 1 агроном, 1 зоотехник, 8 трактористов и комбайнеров, 1 шофер. Ни одного учителя, садовода, пчеловода либо медработника не было. Не было ни одного полевода¹⁵. После войны в Грозненскую область в основном переселялись колхозники из Воронежской области, в 1950–1951 гг. к ним присоединились переселенцы из Орловской и Рязанской

областей, а в 1952–1953 гг. были переселены еще и 1950 хозяйств с Украины¹⁶.

Радикально изменилась национальная структура районов Дагестана, откуда были выселены чеченцы. В 1944 г. в бывший Ауховский район, получивший название Новолакский, переселились из Кулинского и Лакского районов 7 тыс. лакцев. В два населенных пункта, переданных из Ауховского района в Казбековский, переселили 3 тыс. аварцев из этого же района. В три чеченских селения в Хасавюртовском районе вселили 3 тыс. кумыков из высокогорных аулов Тарки, Альбуригент и Кяхулой¹⁷.

В 1944 г. после выселения крымских татар план переселения в Крым выполнили все регионы-доноры: Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Воронежская, Тамбовская, Курская, Орловская, Брянская области России, а также Украинская ССР¹⁸. В 1950 г. к этим регионам присоединятся Владимирская, Горьковская, Московская, Пензенская области, Чувашская АССР, а в 1952–1953 гг. – еще и Рязанская область.

За послевоенный период с 1946 по 1953 годы больше всего переселенческими процессами были охвачены Крымская и Грозненская области. В Крым в результате межобластного переселения въехали 11983 семьи. В Грозненскую область переселилось примерно столько же семей – 11895, в Саратовскую область меньше – 4592 семьи¹⁹.

В результате переселения на постдепортационные территории национальный состав в Крыму, Поволжье и на Северном Кавказе изменился существенным образом. Если в Крымской и Саратовской областях в послевоенный период увеличилась национальная однородность в пользу русских и украинцев, вынужденных заселить опустевшие населенные пункты, и была устранена «представленность» в структуре населения немцев и крымских татар, то на Северном Кавказе сложилось иное положение. По подсчетам С. А. Пискунова, «если в Дагестане коренные народности составляли в 1939 г. 88,0 %, то в 1959 г. – 83,5 %, при этом повысилась доля русских соответственно с 4,3 % до 10,3 %» и, напротив, «снижился процент чеченцев с 3,2 % до 1,3 %»²⁰. В восстановленной Чечено-Ингушской АССР в 1959 г. возросла доля русских до 29 % (с 11,8% в 1939 г.), а доля чеченцев и ингушей снизилась до 53 % и 11 % соответственно (с 68,5 % чеченцев и 16,5 % ингушей в 1939 г.)²¹.

В силу этого представляются надуманными и исторически необоснованными суждения о русских переселенцах, якобы «не способных» возродить экономику постдепортационных регионов. Таким, на наш взгляд, крайне субъективным и необоснованным выглядит мнение крымского исследователя Э. И. Сеитовой о том, что причиной передачи Крыма из РСФСР Украине послужил «ужас первого (провального) этапа организованного переселения на полуостров людей из преимущественно различных регионов РСФСР»²².

Сеитова полагает, что Н. С. Хрущев решился на передачу Крыма из-за стремления «облегчить» жизнь жителям полуострова и возможности «возрождения» Крыма «более трудолюбивыми украинцами». Неумело создаваемый молодым исследователем миф о «трудолюбивых украинцах» и «неспособных» переселенцах из России, по всей видимости, является вольной интерпретацией сообщения А. И. Аджубея о том, что Н. С. Хрущев в ходе своего визита в Крым осенью 1953 г. остался крайне недоволен состоянием дел в сельском хозяйстве региона и положением переселенцев, которые сообщили руководителю государства, что их «обманули»²³. «Обмануть» переселенцев из России – это значит не предоставить обещанные дома, льготы, работу, о стремлении российских колхозников лодырничать и бездельничать речи не было. К тому же в послевоенный период в Крым переселяли и украинцев, на что постоянно обращали внимание лидеры крымско-татарского национального движения в 1950-е гг., характеризуя Крым как «арену разгула великодержавного шовинизма и украинского национализма»²⁴. Всего из Украины в Крым за период с 1944 по 1953 г. было переселено 7586 хозяйств колхозников, в то время как из русских областей было переселено – 21294 хозяйства, да еще из Чувашской АССР – 106²⁵. Основной поток же переселенцев-украинцев распределялся внутри Украинской ССР. Так, в 1949–1952 гг. в южные области республики было переселено 82067 семей переселенцев²⁶.

Следует согласиться с калининградским исследователем Ю. В. Костяшовым, полагающим, что национальная или республиканская идентичность отнюдь не являлась приоритетным фактором при характеристике социальных черт переселенцев. Утверждая, что, несмотря на принадлежность «большой части переселенцев» к «этническому русским»²⁷, историк делает вывод о том, что «этнокультурные различия переселенцев были сведены к минимуму», и что, «лишенные этнического своеобразия», переселенцы послевоенного периода уже представляли «советский народ» в «наиболее законченных формах», среди них были честные труженики и авантюристы, но в целом они действовали, повинувшись единой логике социального и экономического поведения»²⁸.

На наш взгляд, наиболее типичным представителем «переселенческого движения» стал образ воронежской переселенки Марии Прокопьевны Степаненко, двоюродной бабушки начальника отдела архива новейшей истории Белгорода Т. Цыбенко, опубликовавшей интереснейшие архивные материалы о переселенцах «первой волны» в Крымскую область. Историк-архивист рассказывает о своей бабушке: «Фашисты расстреляли её мужа-коммуниста. Беспросветная нищета заставила ее покинуть родные места в поисках лучшей жизни. Она уехала с дочкой и сыном из родного села Батлуки Алексеевского района в далекий крымский поселок Прохладный. В Крыму она

работала на табачных плантациях. Бабушка до конца своих дней трудилась, худощавая, черная от жаркого крымского солнца. Она имела крепкое хозяйство: корова, индюки, гуси и куры<...> Многочисленная родня любила приезжать к ней летом на отдых, на море. Одна из ее племянниц, приехав к ней после войны на отдых, тоже осталась в Крыму и до сих пор живет в Севастополе. Умерла бабушка в 96 лет»²⁹.

Вдова фронтовика с детьми, в поиске лучшей доли с помощью государства переезжающая в рамках планового переселения на постдепортационные территории, одна из наиболее типичных фигур первой волны переселения. Не всегда удавалось сразу устроиться и получить обещанное государством. Так, вдова Е. И. Терехова, имея троих детей, переселившись в 1950 г. из Воронежской в Грозненскую область, «проживала в сторожке при конном дворе, площадью 10 квадратных метров, и все ее просьбы правлению колхоза о предоставлении отдельного дома остались невыполненными»³⁰. Аналогична история переселенки К. М. Поздняковой из колхоза «Борец за социализм» Зуйского района Крымской области, «потерявшей в период Отечественной войны мужа и трех сыновей и в настоящее время не трудоспособной», вселенной в неотресторированный дом³¹.

Т. Цыбенко приводит цитату из письма одной из колхозниц Воронежской области Екатерины Ключковой: «Мы ехали в Крым с горячим желанием быстрее возродить этот чудесный уголок Советской Родины» и выдержку из воспоминаний белгородки Анны Куниной: «Всё детство прошло под крышей табачного сарая. Выходили ранним утром на поля, обрывали цветы на табаке. Нам платили за труд. Это были копейки, но мы гордились заработанным трудом деньгами. Нас, ребят, колхоз вывозил на отдых в Севастополь, в Ялту. Радости было!»³².

Безусловно, основным стимулом к перемене своего местожительства для советского человека военной и послевоенной поры являлся поиск лучшей доли, обеспеченной жизни, бегство от нужды из регионов, которые пострадали от войны в не меньшей степени, чем области-реципиенты. Перечень имущества, перевозимого переселенцами в места вселения, хорошо иллюстрирует бедность колхозников, решившихся на переезд. Так, инспектор Главного Переселенческого управления СССР М. А. Костин сообщал, что в эшелоне, состоящем «из 29 вагонов» и перевозящем «62 семьи, 245 человек» из Винницкой области в Ленинский район Крымской области, «коэффициент загрузки вагонов весьма низкий»: «имущества переселенцы везут с собой очень в небольшом количестве, состоящего из старых сундуков, ящиков, хозяйственной посуды и мешков с картофелем и хозяйственными предметами. Мебели при переселенцах почти нет»³³.

Именно на «чувства и устремления зажить получше» была нацелена советская пропаганда и агитация в местах выхода. Так, в листовках начала 1950-х гг., распространяемых переселенческими отделами в областях-донорах, содержался призыв к «трудолюбивым и добросовестным колхозникам, имеющим в составе не менее 2-х трудоспособных», переселяться «на добровольных началах» в «богатую и плодородную Крымскую область» и перечислялись многочисленные «льготы и преимущества»³⁴.

Профессор О. В. Волобуев привел яркие доказательства того, что труд «добросовестных и трудолюбивых» переселенцев стал одним из факторов, обеспечивших в Крыму в послевоенный период и восстановление, и подъем уровня жизни «нового» населения. Так, в «колхозе в горах», в деревне Лесная Судакского района (прежнее название села Суук-су), после депортации крымских татар осталось 4 старожила. После приезда переселенцев из Краснодарского края в 1946 г. собирали 4 т табака, в 1950 г. – 10 т, в 1945 г. было 50 овец, в 1950 г. – порядка 300³⁵. Село Виноградное (прежнее название Чокул) на Керченском полуострове населяли потомки немецких колонистов, выселенных еще в 1941 г. Переселенцы из Орловской области высевали озимую пшеницу и «подобралось к 40 центнерам с га». «Как? – восклицает историк, – Трудом и крестьянским потом. Старанием, не уступающим немецкому старанию»³⁶.

В селе Ароматном (бывшая немецкая колония Розенталь) Зуйского района после войны не уцелело ни одного дома. Переселенцы создали многопрофильный колхоз: садоводство, виноградарство, полеводство, в том числе выращивание эфирносов. Доход колхоза с 250 тыс. руб. в 1948 г. увеличился до 600 тыс. в 1950 г. На примере одного из переселенцев с Кубани, «бывшего фронтовика, штурмовавшего крымский берег с косы Тузла», продемонстрировано личное благосостояние «добросовестного и трудолюбивого» переселенца: «никелированные кровати, настенные ковры, шифоньер, швейная ножная машинка, большое зеркало. Личное хозяйство: корова с телёнком, свиньи, овцы, куры»³⁷. Новое село в Альминской долине Бахчисарайского района было основано в 1946 г. переселенцами из Пензенской области, не испугавшимися «разговоров» о том, что в Крыму «одни яблоки да груши, которыми-де сыт не будешь»³⁸. Однако новое село развивается: «жить-то можно, если трудиться и накапливать опыт»³⁹.

Примеров самоотверженного труда переселенцев на других переселенческих территориях множество. Это, в частности, председатель переселенческого колхоза «Социалистический путь» Каясулинского района Грозненской области Белик, который сумел организовать труд своих колхозников так, что колхоз «с перекрестных посевов» сумел получить урожай озимой

пшеницы по 28 ц с гектара, и чабан этого же колхоза И. Л. Михайлов, который получал шерсти по 6,4 кг с одной овцы, и чабан колхоза им. Сталина того же района Кельдигазиев, который добился «настрига» с 768 овец «в среднем по 7,1 кг»⁴⁰.

Представляется, что к концу 1940-х гг. в местах выхода сложилась ситуация, когда центральная и областная власти были заинтересованы в переселении в Крым, Северный Кавказ, Поволжье «добросовестных и трудолюбивых колхозников» группами и по отдельности, а местные власти всеми силами пытались удержать «добросовестных и трудолюбивых» в своих колхозах и районах, ориентируясь, прежде всего, на переселение «ненужных» и «отстающих» как колхозников, так и колхозы. Только подобным стремлением выселить местный «ненадежный элемент» можно объяснить факт отбора переселенческим отделом при Совете Министров Мордовской АССР для отправки в колхозы Саратовской области семьи С. Г. Давыдкина, который «вместе с женой в конце 1948 года народным судом Мордовской АССР были осуждены за нарушение Устава сельхозартели»⁴¹.

Жесткий контроль со стороны центральных ведомств, ведающих переселением, привел к тому, что в начале 1950 г. уменьшилось количество переселяемых семей, в которых отсутствовали трудоспособные главы семей, а иногда вообще не имелось трудоспособных. Так, из 533 семей переселенцев, прибывших в 1950 г. в Грозненскую область из Воронежской, Орловской и Рязанской областей, «только 13 семей не отвечали принципам отбора», из них в «7 семьях не имелось по 2 трудоспособных члена и в 6 семьях главы семей являлись нетрудоспособными»⁴². Среди переселенцев из Орловской области находились больной эпилепсией Н. И. Шалимов, прибывший в июне 1950 г. и выехавший обратно в сентябре, а также инвалид Отечественной войны (отсутствовала рука) Н. А. Решетов, который находился в Грозненской области несколько дней⁴³.

Среди переселенцев, конечно же, было немало, как их называет Ю. В. Костяшов, и «профессиональных переселенцев»⁴⁴, которые ради получения льгот и преимуществ заключали договоры на переселение не единожды. По всей видимости, подобные переселенцы колхозниками не являлись. Например, в колхоз им. Хрущева Куйбышевского района Крымской области в 1950 г. были поселены милиционер Н. Илюхин, рабочие Н. Суханкин, И. Федоров, Ф. Шагнев, которые, «несмотря на получение ими хороших жилых домов, приусадебных участков с садовыми и виноградными насаждениями, собрав урожай, выехали обратно в Горьковскую область»⁴⁵. В числе прибывших, к примеру, в Крымскую область в 1950 г. переселенцев 127 семей «ранее не работали в колхозах»⁴⁶.

Однако в большинстве своем переселенцы умели приспособляться к любым трудностям и сложностям. Предприимчивость, упорство, трудолюбие помогали им выжить и строить жизнь в новых местах. Так, переселенец В. М. Серенко, прибывший в колхоз имени Мясникяна Лазаревского района, был вселен в «обыкновенный сарай с «негодными полами» и «дырявыми потолком и стенами» своими руками «одну комнату обмазал», в других комнатах поместил «зерно в мешках», лес для изгороди «таскал на своих плечах» до «ломоты в плечах»⁴⁷. В Марксовском районе Саратовской области в 1952 г. для вселения переселенцев «не подготовили ни одного дома», 13 семей переселенцев в колхозе им. Кирова сами «произвели ремонт предоставленных им домов». То же повторилось и в Красноярском, Приволжском и других районах области⁴⁸. Переселенцы колхоза имени Молотова в Ленинском районе Крымской области вынуждены были ежедневно «воду для питья доставлять на лошадях из колодца, который находился на расстоянии 5 км от колхоза»⁴⁹.

Преодоление, созидание и трудолюбие стали главными качествами переселенца-колхозника, жаждущего достойной жизни на новом месте. Представляется, что российские и украинские переселенцы первой послевоенной поры вполне соответствовали образу иммигранта XIX в., стремящегося преодолеть в поисках удачи и попытке круто изменить свою жизненную стезю длительный и опасный путь из Европы в Северную Америку.

Примечания

- 1 См.: Малова Н. А. Особенности переселенческой политики в конце 1940-х – начале 1950-х гг. на территории бывшей АССР НП // *Общественные науки в современном мире* : сб. науч. трудов по итогам конф. / ред. кол. : И. А. Арефьева, Н. А. Арчебасова и др. Уфа : ИЦРОН ; ООО «Ареал», 2015. С. 8–10.
- 2 См.: Сеитова Э. И. Организация трудового переселения в Крым (1944–1976 гг.) // *Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 173–183.
- 3 См.: Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир : Ред.-изд. центр АГПУ, 2009.
- 4 См.: Пискунов С. А. Плановое аграрное переселение на территории Северного Кавказа, Крыма и Поволжья РСФСР, 1944–1953 гг. // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015. № 2. С. 61–67.
- 5 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2359. Л. 34.
- 6 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2331. Л. 26.
- 7 Там же. Д. 2679. Л. 24.

- 8 Там же. Л. 68.
- 9 Там же. Д. 2680. Л. 307.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 75. Д. 365. Л. 8.
- 11 Там же. Л. 12, 14.
- 12 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 110.
- 13 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 292. Л. 96, 97.
- 14 См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 543. Л. 189, 194, 195.
- 15 См.: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 1. Л. 185, 187.
- 16 См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 543. Л. 79, 80, 81, 94, 97, 98, 99, 115, 121.
- 17 См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 108. Л. 28, 29.
- 18 См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 427. Л. 97, 98, 99.
- 19 Там же. Д. 543. Л. 79, 80, 81, 94, 115, 121, 123.
- 20 Пискунов С. А. Указ. соч. С. 65.
- 21 Там же.
- 22 Сеитова Э. И. Послевоенный Крым : административно-территориальное устройство и демография // *Пространство и время*. 2014. № 2. С. 181.
- 23 См.: Аджубей А. Как Хрущев Крым Украине отдал. Воспоминания на заданную тему // *Новое время*. 1992. № 6. С. 21.
- 24 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 491. Л. 34.
- 25 См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 97, 98, 99.
- 26 Там же. Л. 98, 102.
- 27 Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград : ТЕРРА БАЛТИКА, 2009. С. 70, 135, 167.
- 28 Там же. С. 145.
- 29 Цыбенко Т. Добросовестных и трудолюбивых ... В конце Великой Отечественной войны белгородцев переселяли в обезлюдевший Крым. URL: <https://www.belpressa.ru/news/news/dobrosovestnyh-i-trudolyubivyh09383/> (дата обращения: 08.10.2016).
- 30 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 552. Л. 6.
- 31 Там же. Д. 479. Л. 8.
- 32 Цыбенко Т. Указ. соч.
- 33 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 479. Л. 188.
- 34 Переселенческая листовка. URL: <https://forum.auto.ru/housing/11342465/> (дата обращения: 14.11.2016).
- 35 См.: Волобуев О. В. Сельское хозяйство Крыма в послевоенные (1944–1953) годы : динамика и тенденции развития // *Вестн. МГОУ. Сер. : История и политические науки*. 2016. № 4. С. 97.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 98.
- 38 Лесин А. На новых местах. Симферополь : Изд-во и тип. Крымиздата, 1950. С. 60.
- 39 Волобуев О. В. Указ. соч. С. 98.
- 40 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 634. Л. 17.
- 41 Там же. Д. 401. Л. 7.
- 42 Там же. Д. 552. Л. 2.
- 43 Там же. Л. 3.

⁴⁴ Костяшов Ю. В. Указ. соч. С. 128.

⁴⁷ Там же. Л. 110.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 479. Л. 3.

⁴⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2438. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Л. 44.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 479. Л. 188.

Образец для цитирования:

Конониренко В. А. Переселенцы на постдепортационные территории Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1940-е гг.: этнический облик и социальный портрет // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 326–331. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-326-331>

Cite this article as:

Kononirenko V. A. Migrants to the Post-Deportation Territories of the Volga Region, North Caucasus and Crimea in the 1940s: Ethnic Appearance and Social Portrait. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 326–331 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-326-331>
